Археологические вести — 32 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

М. Т. Кашуба (отв. редактор), Ю. Г. Кутимов, В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов, А. В. Фрибус Издательская группа:

А. В. Гилевич (переводы), Т. С. Дорофеева, В. П. Никоноров (переводы), Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 32** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2021. — 464 с.: ил.

Выпуск 32 журнала «Археологические вести» посвящен юбилеям трех сотрудников Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН: В. А. Алёкшина, В. И. Распоповой и Л. Б. Кирчо. Тематика большинства опубликованных статей так или иначе связана с историей и археологией Средней Азии разных эпох. В выпуск вошли очерки, посвященные юбилярам, и статьи по древнейшему и античному периодам истории этого региона авторов из России, Украины, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Казахстана, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Швейцарии. Также представлены традиционные разделы «Новые исследования и открытия», «Обзоры и рецензии» и «История науки».

Издание адресовано археологам, историкам, студентам.

Issue 32 of the journal "Archeological News" is dedicated to the anniversaries of three employees of the Department of Archeology of Central Asia and the Caucasus, IIMK RAS: V. A. Alyokshin, V. I. Raspopova and L. B. Kircho. Most of the published articles are in one way or another related to the history and archeology of Central Asia of different eras. The issue includes essays dedicated to the heroes of the day, and articles on the most ancient and antique periods of the history of this region by authors from Russia, Ukraine, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Great Britain, Germany, Italy, France, Switzerland. Also presented are the traditional sections "New Research and Discoveries", "Reviews and Reviews" and "History of Science".

The publication is addressed to archaeologists, historians, students.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — бронзовая печать, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 1815/1405) First page of cover — Bronze seal from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 1815/1405) Четвертая страница обложки — серебряная булавка, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 168) Fourth page of cover — Silver pin from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 168)

[©] Институт истории материальной культуры РАН, 2021

[©] Коллектив авторов, 2021

[©] Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

Распространение янтарных грибовидных бус-подвесок в Поволжье и Прикамье и индикаторы финала позднесарматского времени

А. А. Красноперов1

Аннотация. В статье рассмотрены вопрос хронологических индикаторов позднего «катакомбного» этапа позднесарматской культуры и находки в Поволжье и Прикамье. Среди важных признаков выступают янтарные грибовидные бусы-подвески, маленькие сильнопрофилированные двучленные лучковые и двучленные прогнутые подвязные фибулы. Находки редки у сарматского населения уже в Предволжье, но эпизодически встречаются в Прикамье, что создает основания для хронологии местных древностей.

Annotation. This article discusses the question of chronological indicators of the late "catacomb" stage of the late Sarmatian culture and findings from the Volga and Kama region. Among the important indicators there are amber mushroom-shaped bead-pendants, small strongly profiled two-piece garter bow fibulae and two-piece bent garter fibulae. The available artefacts of the Sarmatian population are scanty already as far as in the Volga region but episodically occur in the Kama region where they constitute a basis for the chronology of the local antiquities.

Ключевые слова: янтарные грибовидные бусы-подвески, фибулы, хронология, сарматы, Поволжье, Прикамье. Keywords: amber mushroom-shaped bead-pendants, fibulae, chronology, Sarmatians, Volga region, Kama region.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-194-211

Состояние хронологии позднесарматского времени

Современные представления о хронологии позднесарматского времени заложены работами середины 1980-х гг. (см. обзор: Сергацков, 1999). Речь идет о неравномерности (неодновременности) процессов в разных регионах сарматского мира (см.: Кривошеев, 2010. С. 61–63, 80–83; Безуглов, 2010. С. 93–94; Малашев, 2010а; 2013а; 2016. С. 62–65; Симоненко, 2001) при сохранении единых тенденций развития материальной культуры (Малашев, 20106; 2015). В целом позднесарматское время подразделяется на два периода:

«всаднический», в широких пределах середины II — середины III в. (соответствует периодам Малашев-I-IIa), и «катакомбный», который делится на две хронологические группы.

Основу выделения первой группы «катакомбного» периода составляют: двучленные лучковые

2010); пряжек и наконечников — по В. Ю. Малашеву (*Малашев*, 2000), остальные упомянуты в тексте. Общая периодизация позднесарматского времени дана по С. И. Безуглову (*Безуглов*, 2000; 2008), более узкая — по В. Ю. Малашеву (*Малашев*, 2000).

Цель этой работы (как части цикла) — собрать в одной публикации все комплексы с определенным типом находок на конкретной территории. Используемая терминология («всаднический», «катакомбный») соответствует смыслу, вкладываемому С. И. Безугловым. По мнению В. Ю. Малашева, само использование этнонима «сарматы/сарматский» для IV в. н. э. некорректно и более предпочтительно «степное население» (Малашев, 2016). В этой статье во всех случаях термин «сарматский» используется исключительно для обозначения отрезка времени, а термин «сарматы» — в значении населения степей этого периода.

¹ Удмуртский институт истории, языка и литературы, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН; ул. Ломоносова, д. 4, Ижевск, 426004, Россия; e-mail: khaa@udm.ru.

² Здесь и далее используются устоявшиеся и общепринятые типологические и хронологические определения: фибул — по А. К. Амброзу (*Амброз*, 1966), с учетом дополнений свода В. В. Кропотова (*Кропотов*,

фибулы (Амброз-15/III); маленькие сильнопрофилированные фибулы (Амброз-11/II) (Гавритухин, 2010; Габуев, Малашев, 2009. С. 135); наконечники ремней с цилиндрическим расширением в месте сгиба (Малашев-Н10) или двухчастные секировидные (Малашев-Н7); пряжки с овальными щитками с загнутыми для имитации фасетировки краями, овальными рамками круглого или фасетированного сечения, фасетированными прямыми короткими язычками с низким уступом у основания (Малашев-П9); упряжь в стиле Закшув-Кишпек (см.: Шаров, 2019; библиография — Красноперов, 2019. Прим. 9, 20, 21); янтарные грибовидные бусы-подвески небольших размеров, амфоры (Шелов-D). Суммарная его датировка определяется находками монет середины III первой трети IV в. (Безуглов, 2008. С. 287-289; Кривошеев, Малашев, 2016. С. 139–143). Соответствует периоду Малашев-IIIб.

Инвентарь второй группы «катакомбного» периода включает: фибулы черняховских типов (Амброз-16/2); пряжки с овальными гладкими рамками с утолщением, язычками, охватывающими переднюю часть рамки до середины сечения, с высоким уступом и/или ступенькой у основания (Малашев-П10), чаще с тремя заклепками на щитке (Васильев, 2004. С. 58); также оформленные сбруйные зажимы, накладки фасетированные и лунницы (Безуглов, Ильяшенко, 2000. С. 96-97; Мастыкова, 2009. С. 65-66); одночастные секировидные наконечники (Малашев-Н8) (Малашев и др., 2015. С. 102); янтарные грибовидные бусы-подвески крупных размеров и вещи в «догуннском» полихромном стиле (Красноперов, 2012; 2019); стеклянные сосуды с напаями синего цвета (Гавритухин, 1999); амфоры (Шелов-F) (см. актуальное обсуждение: Диденко, 2014). По совстречаемости с монетами Константина эта группа датируется второй третью IV — началом V в. (Безуглов, 1990. С. 82-83; 2008. С. 289-290; Кривошеев, Малашев, 2016. С. 139-143). Соответствует периодам Малашев-III-а, б, IV.

Объединяющими признаками для обеих групп является обряд погребения в подкурганных катакомбах (Безуглов, Копылов, 1989. С. 179–180; Матюхин, 1992. С. 155), а объединяющими изделиями — зеркала с центральной петелькой (Гавритухин, Малашев, 2018), флаконы, игольники (Васильев, Савельев, 2008. С. 34–35), копоушки, подвески-лунницы с загнутыми «рогами» (Кривошеев,

Малашев, 2016. С. 143), костяные гребни с треугольной (Никитина-I-B2), округлой (Никитина-I-B1) или профилированной (Петраускас-3) спинкой: «эталонный» комплекс — Центральный VI, курган 9 (Безуглов, Копылов, 1989. Рис. 2, 4–35).

Признаки являются очень специфичными и надежно определяют хронологические позиции комплексов. Основной ареал распространения «катакомбной» группы — Подонье и Предкавказье (Безуглов, Захаров, 1988. С. 21–22), несколько случаев отмечено в Поволжье (Кривошеев, Малашев, 2016. С. 143), находки отдельных предметов известны на более широкой территории.

«Катакомбный» период в Предволжье, Заволжье и на Южном Урале

Сарматским памятникам этих территорий были посвящены две диссертации³. М. В. Кривошеев (2005. С. 232-239. Прил.) отнес ко времени второй половины III — IV в. те же памятники, что и С. И. Безуглов (2008. Рис. 1), отдельные погребения из Калмыкии и Астраханского края и довольно значительное количество могил Купцын Толги, Абганерово II, III, из разных Кривых Лук. Индикаторами являются зеркала с центральной петелькой, двучленные лучковые Амброз-15/III и двучленные воинские Амброз-16, маленькие сильнопрофилированные Амброз-11/ II, с завитком Амброз-13, фибулы, пряжки Малашев-П10, наконечники Малашев-Н7 и Н10, вещи в «сердоликовом» стиле. В. Ю. Малашев установил, что на Южном Урале нет ни одного комплекса с хроноиндикаторами развитого IV в., а вторая половина III в. (хронологическая группа 3) представлена ограниченным количеством погребений, относительно массовыми — в Целинном I, Покровке 10, Лебедевке VI, Дербеневском (Малашев, Яблонский, 2008. Табл. 72-73; Малашев, 2009; 2013б. С. 128–129). Определяющим признаком 3-й хронологической группы являются фибулы — с завитком и ромбической спинкой Амброз-13, лучковые с раскованной ножкой, двучленные лучковые Амброз-15/III-1,

³ Диссертация С. А. Трибунского (*Трибунский*, 2003) базируется на типологических и хронологических разработках, к моменту защиты устаревших уже на 20 лет; монография С. Г. Боталова (*Боталов*, *Гуцалов*, 2000) пригодна только в качестве источника иллюстраций, что неоднократно отмечалось (*Малашев*, 2007).

двучленные прогнутые подвязные Амброз-16-2/ Гороховский-А1,2.

Самым северным из поздних позднесарматских комплексов на Южном Урале является Дербеневский могильник (курганы 17, 20 — по двучленным фибулам; курганы 7, 9, 10, 31 — по фибулам с завитком), самыми северо-восточными в Предволжье — погребения в Абганерово II, III и Большой Дмитриевке.

Среди индикаторов позднего периода позднесарматского времени наиболее показательны мелкие изделия: двучленные и сильнопрофилированные фибулы и янтарные грибовидные бусыподвески.

Янтарные грибовидные бусы-подвески (ТМ-471, A-21, Г-VIII/2)

Подробный обзор янтарных грибовидных бус-подвесок и каталог находок опубликован А. В. Мастыковой (Мастыкова, 1999; 2016), существенные дополнения внесены О. В. Гопкало (2008. С. 67, 71) и А. А. Стояновой (Стоянова, 2004. С. 292–293; 2006. С. 101–105). Их происхождение в современной литературе связывается с германскими племенами, в частности с носителями вельбаркской культуры, где они хорошо представлены в комплексах периода С1в и С2 (ТетреІтапп-Массуńska, 1985. S. 84–86, taf. 70). Также они встречаются в раннечерняховских (ІІІ в.) (Гопкало, 2008. С. 91, 96, 109, рис. 3, 5) и сарматских памятниках Крыма, на Северном Кавказе и в Абхазии (Мастыкова, 1999. С. 173–175).

В литературе сформировалось достаточно устойчивое мнение о том, что янтарные восьмерковидные подвески в Крыму распространяются в IV в., почти не встречаясь в комплексах более раннего времени. Определенно более ранним временем датируются находки из Чернореченского, Совхоз-10, Дружного, Опушек, Нейзаца и Усть-Альмы (склеп 720 с бронзовой римской посудой), с I в. н. э. (Мастыкова, 2016. С. 177–178, рис. 3). Однако наиболее показательными они являются именно для погребений «катакомбного» этапа позднесарматского времени.

Янтарные грибовидные бусы-подвески в Подонье и Поволжье

По состоянию на 1987 г. С. И. Безуглов отметил всего пять донских комплексов с грибовидными подвесками, не перечисляя их (*Безуглов*,

Захаров, 1988. С. 25, прим. 13). Изданы подвески только из Павлов (Павловка) (Там же. Рис. 5, 3-5). Позднее он же опубликовал предметы (не комплексы) из Старосоленовский, курган 74 (Безуглов, 2008. Рис. 4, 10, 11) и Арпачин II, курган 35⁵ (Безуглов, 2008. Рис. 7, 19-21). А. В. Мастыкова дополнила сводку: Большая Дмитриевка, курган 3; Большая Мазанка, 3/1,6 и, со ссылкой из В. В. Кропоткина (Кропоткин, 1978. С. 151), Барановка, 3/1; Кривая Лука (номер неизвестен⁷) (Мастыкова, 1999. С. 174). Еще два комплекса происходят из могильника Абганерово II, курган 13 (Дьяченко и др., 1995. Рис. 11, 8; Красноперов, 2019. Табл. 13, Г-1-с, т) и курган 17 (Клепиков, Шинкарь, 1997. Рис. 5, 10). Указание на Большая Дмитриевка, курган 3 (Матюхин, 1992. С. 147, подпись) результат ошибки: правильно Большая Дмитриевка, 5/1. К сожалению, эта ошибка неоднократно цитировалась в литературе (Мастыкова, 1999. С. 174, рис. 24, 1–12; Гавритухин, 2010. Рис. 7, 50– 53; Красноперов, 2012. Рис. 4, 6).

Датировка погребения из Павловки определяется редким типом железной Т-образной фибулы с профилированной кнопкой на головке. В системе Эггерса-Годловского они показательны для периодов СЗ и D, середины III — середины V в. (Шаров, 1999). Вторая фибула относится к миниатюрным двучленным лучковым (Безуглов, Захаров, 1988. С. 18).

В Большая Мазанка III, 3/1 (Парусимов, 1998. С. 28, рис. 35) обнаружены одночленная железная лучковая фибула, зеркало-подвеска, пряжка со стеклянной рамкой и гребень с полукруглой спинкой. Зеркало-подвеска с небольшой выпуклостью в центре должно относиться к I–II вв.,

⁴ Известен перечень: фрагменты стеклянного сосуда, фрагмент фибулы, мелкие золотые бляшки, золотые бляшки со вставками гранатов и стекла, серолощеный кувшин с носиком, три сероглиняные миски, лепной красноглиняный кувшин, два горшка (*Алексеев и др.*, 1977. С. 105).

 $^{^5}$ Известен перечень: чернолощеный сосуд, лепной кубок, три Т-образные(?) фибулы, 14-гранные сердоликовые бусы (*Державин и др.*, 1977).

⁶ Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем — номер погребения: Большая Мазанка, 3/1 соответствует Большая Мазанка, курган 3, погребение 1.

⁷ Сведения о Кривая Лука, 3/1 (*Мастыкова*, 1999. С. 174; *Кропоткин*, 1978. С. 151) проверить невозможно.

с возможным доживанием до середины III в. (*Стоянова*, 2019. С. 260–261, рис. 2).

Пряжка с рамкой синего стекла и металлическим язычком необычна, больше известны пряжки с каменной рамкой (Берхин, 1961. Рис. 1, 13), но большинство из них более поздние (Quast, 1996). Важно, что пряжка со стеклянной рамкой зеленого цвета найдена в Большая Дмитриевка, 13/2 (рис. 1) вместе с маленькой сильнопрофилированной фибулой со вставкой сердоликовой бусины в золотом гнезде, 14 золотыми медальонами с сердоликами группы «Можары/Котова», стеклянной чашей, костяным гребнем с полукруглой спинкой, двумя калачиковидными серьгами, верхней частью серебряного флакона со вставками, нитями золотой парчи, половинкой зеркала с центральной петелькой (Матюхин, Ляхов, 1991). Гребень типа Никитина-1 характерен для ранних фаз черняховской культуры (Шишкин, 2002), но встречается и в первой половине IV в. Фиалы бесцветного стекла с прошлифованными дуговидными гирляндами типа Сорокина-2 в Танаисе известны в слоях и первой, и второй половины III в. (Сорокина, 1965. С. 210-215). Металлические флаконы получают наибольшее распространение во второй половине II — IV в. (Безуглов, Копылов, 1989. С. 179-180; перечень находок: Безуглов, Захаров, 1989. С. 51-53). Коллекция образцов маленьких сильнопрофилированных фибул со вставками пополняется (рис. 2 — Матюхин, 1997. Рис. 1, 7; Коробов и др., 2014. С. 126, 133, рис. 5, 3; XII, 5), что позволяет надежнее аргументировать датировку серединой III — серединой IV в. (Гавритухин, 2010. С. 54), финал их бытования относится к середине IV в. (Гавритухин и др., 2019. С. 177). Вариант зеркала распространен во второй половине III в. (Гавритухин, Малашев, 2018. С. 110-111). Серьги со вставками отличаются от находок в Большая Дмитриевка, 5/1 (рис. 3, А-100, 101), но входят в ту же типологическую группу. Медальоны с сердоликами образуют серию взаимосвязанных комплексов, которую можно назвать по месту первой находки у слободы Можары — горы Котовой (Красноперов, 2012. Рис. 4, 5–7; 2019. С. 108, рис. 3, А, Б, Д; 4/3)8.

Комплексы Большая Дмитриевка, 13/2 и Большая Мазанка III, 3/1 синхронны в пределах сере-

дины — второй половины III — первой четверти IV в. Хронология комплексов Барановка 1970, 3/19 (Скрипкин, 1974) и Большая Дмитриевка, 5/1 (Матюхин, 1997. Рис. 2; Красноперов, 2019. Табл. 13, A) (рис. 3, A) основывается на маленьких сильнопрофилированных фибулах второй половины III — IV в., но вопрос о верхней дате остается открытым из-за недостаточности оснований (Гавритухин, 2010. С. 56). В последнем погребении найдены медальон со вставкой и треугольниками зерни «умеренно-зерненого» стиля и две калачевидные серьги (Красноперов, 2019. С. 108, табл. 13, А, кат. 23-I). Погребение не позднее середины — третьей четверти IV в. Еще один предмет «умеренно-зерненого» стиля (щиток пряжки) обнаружен в Абганерово II, курган 13 (рис. 3, Б — Дьяченко и др., 1995. С. 101-104, рис. 11, 7, 8; 12; *Красноперов*, 2019. Табл. 16, Γ , кат. 22-I). Оттуда же происходит маленькая сюльгама, распространение которых начинается с середины III в. (Малашев и др., 2015. С. 94; Кривошеев, Малашев, 2016. С. 142).

На датировку комплекса Абганерово II, курган 17 (Клепиков, Шинкарь, 1997. С. 81–83, рис. 5) указывает только зеркало-подвеска с квадратом в центре и радиальными лучами. По типу декора Труфанов-4 оно должно относиться ко второй половине II в. (Труфанов, 2007. С. 177, рис. 6, 23). Но, как и в случае с Большая Мазанка III, 3/1, запаздывание говорит о необходимости уточнения хронологии этой категории.

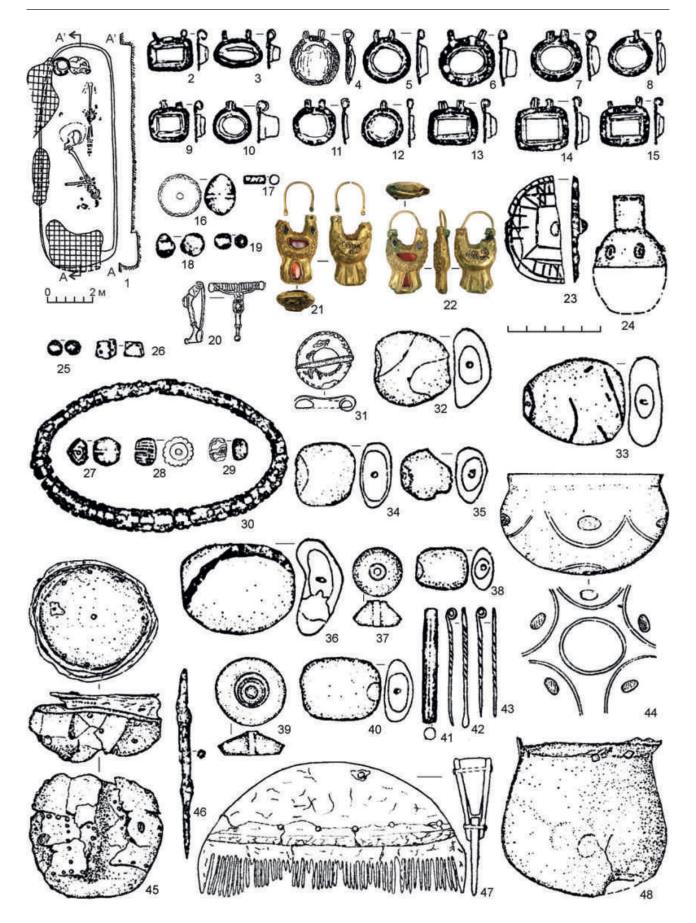
Янтарные грибовидные бусы-подвески в Прикамье

А. В. Мастыкова подчеркивает, что у сарматов Дона и Волги грибовидных подвесок мало, а в лесной зоне известна только одна находка — в составе клада в слое мощинской культуры с городища Велегож (*Мастыкова*, 2016. С. 175). Однако восточнее, в Прикамье, исследованы четыре комплекса с этим типом бусин: Броды, 24/3 (*Голдина*, 1986. С. 70, табл. 14, 4–6), Броды, 39/2 (*Там же*. С. 78, табл. 17, 1, 8), Тураево, погребение 106 (*Голдина*, *Бернц*, 2010. С. 32, табл. 73/106, 2, 3) и

 $^{^{8}}$ Эволюцию серег и медальонов надо рассматривать отдельно.

⁹ Памятник раскапывался также И. В. Сергацковым, нумерация курганов у разных авторов дублируется (*Сергацков*, 2000. С. 23–24, рис. 20–22).

 $^{^{10}}$ Они имеются и в Кудашевском могильнике в Пермском крае (*Голдина и др.*, 2007. Рис. 64, 3; *Быкова*, *Казанцева*, 2012. Рис. 1, 1–3), но подробности неизвестны.

Старокабаново, погребение 80 (*Русланова*, 2018. С. 139, рис. 30, *1*).

Морфологически находки различаются: в Броды, 39/2 бусина крупная, в Броды, 24/3 она среднего размера, в Тураево и Старокабаново они близких размеров — сравнительно мелкие.

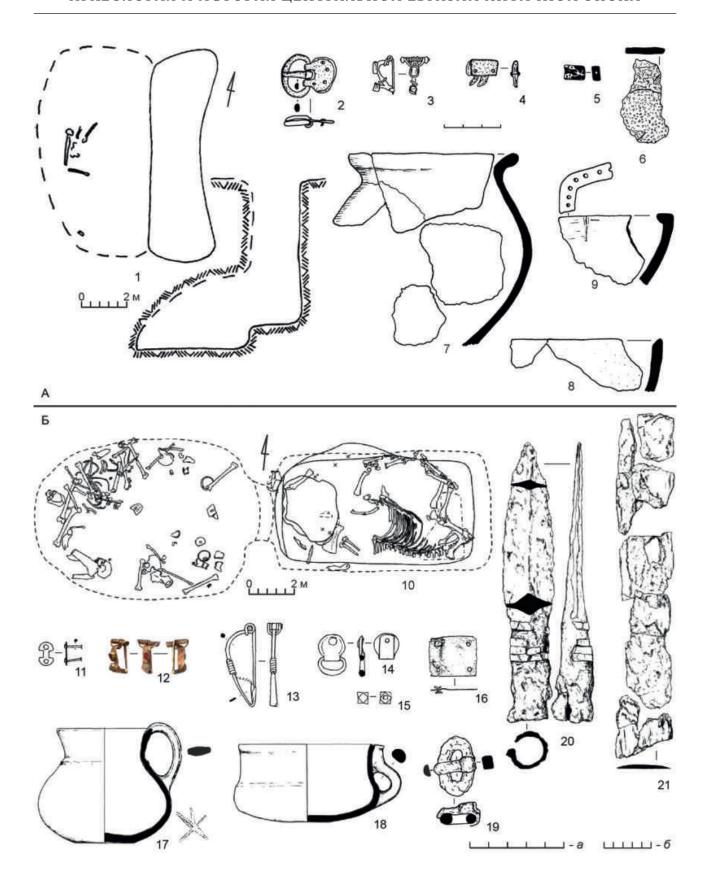
Комплекс Броды, 39/2 не датируется (рис. 4, \mathcal{B}). В Броды, 24/3 (рис. 4, А) другие типы бус и подвесок дают лишь самый общий интервал дат. 14-гранные бусины (Румянцева, 2009. С. 343–344) характерны для ожерелий позднесарматского времени III в. н. э., в комплексах второй половины II и IV в. они неизвестны (Малашев, Яблонский, 2008. С. 64; Малашев, 2013а. С. 17). Призматические бусы с ресничковым орнаментом редки (подробнее см.: Красноперов, 2020, а также Зубов, Багаутдинов, 2019. Рис. 3, 11, 12). Подвески из бляшки с дисковидными привесками широко распространены в Восточном Причерноморье (Фанагория..., 2015. Рис. 28, 1-а-г, 4, № 197, 202, табл. 66, 7, 8; 70, 1-а-в, 3; 77, 2; Мордвинцева и др., 2010. № 584; Апакидзе и др., 1958. Рис. 43, 3, табл. XXXIX, 7c; LXVI, 40, 41; Gogiberidze, Javakhishvili, 2010. Tab. I, 1 (и другие памятники этого региона)), но встречаются и далеко к востоку в памятниках II-III (IV?) вв. (Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 5, 4; Засецкая, 1994. Табл. 45, 7; Красноперов, 2019. Табл. 10/2; Торгоев, Кольченко, 2017. С. 169-170, со ссылками). Оковка закраины деревянного сосуда на дату не указывает.

Датировка Тураево, погребение 106 (*Голдина*, *Бернц*, 2010. Табл. 73/106) (рис. 4, *B*) затруднена.

Пряжка соответствует типу Малашев-П10, но без щитка, или 1-й группе пряжек Паласа-Сыртского могильника (см. далее). Но железный сбруйный зажим характерен для более раннего времени — «всаднического горизонта». Мелкие полихромные подвески тоже чаще встречаются в комплексах средне- и начала позднесарматского времени.

Наиболее информативен комплекс Старокабаново, погребение 80 (рис. 4, Γ — *Васюткин*, 1970. Рис. 50-54; Васюткин, Останина, 1986. С. 87-88, табл. 2, 28-32; 9, 2-8). Бусина не отмечена ни в отчете, ни в публикации, ее выявила Р. Р. Русланова при работе с коллекцией. В комплексе погребения ножны группы С (Красноперов, 2018. Рис. 2, 14), обломки местной «сайгатской» фибулы с прямоугольным щитком, поясной набор из пряжки, накладок и наконечника и парный обувной набор из пряжек и наконечников. Поясной наконечник принадлежит к большой группе длинных наконечников с цилиндрическим расширением в месте сгиба. Они показательны именно для этого могильника, но хронология еще не детализирована. Поясная и обувные пряжки отличаются размерами, но относятся к одному варианту: овальная рамка круглого/ сегментовидного сечения со спрямленной задней стороной, прямой язычок, чуть выступающий, но не загибающийся за край рамки, с низким уступом сзади, длинный треугольный или трапециевидный щиток. Окончание щитка может быть острым, прямым, треугольным, закругленным или нечетких очертаний; углы основания —

```
Рис. 1. Большая Дмитриевка 13/2: 1 — план; 2–15 — подвески; 16, 18, 19, 25, 27–30, 32–36, 38, 40 — бусы;
17 — пронизка; 20 — фибула; 21, 22 — височные подвески; 23 — зеркало; 24 — флакон; 26 — обойма; 31 — пряжка;
37, 39 — пряслица; 41 — игольник; 42, 43 — копоушка и ногтечистка; 44, 48 — сосуды; 45 — коробочка;
46 — шило; 47 — гребень (Матюхин, Ляхов, 1991; Трейстер, 2018. Рис. 28, 3, 4). 2–15 — желтый металл, сердолик,
стекло; 16, 27 — хрусталь; 17 — желтый металл; 18, 28, 29, 44 — стекло; 19, 25 — «кость»; 20 — бронза,
желтый металл, сердолик; 21, 22 — желтый металл, сердолик, «лазурит» (?); 23, 26 — бронза; 24 — белый металл,
желтый металл, «аметист»; 30, 32–36, 38, 40 — янтарь; 31 — стекло, бронза; 37, 39 — керамика;
41-43 — белый металл; 45 — бронза, белый металл, желтый металл, «бирюза», кожа; 46 — железо, дерево;
47 — кость, железо; 48 — бронза, железо
Fig. 1. Bolshaya Dmitrievka 13/2: 1 — plan; 2–15 — pendants; 16, 18, 19, 25, 27–30, 32–36, 38, 40 — beads;
17 — spacer-bead; 20 — fibula; 21, 22 — temple pendants; 23 — mirror; 24 — vial; 26 — clip; 31 — buckle;
37, 39 — spindle whorls; 41 — needle case; 42, 43 — ear spoon and fingernail cleaner; 44, 48 — pottery; 45 — box;
46 — awl; 47 — comb (Матюхин, Ляхов, 1991; Трейстер, 2018. Рис. 28, 3, 4). 2-15 — yellow metal, cornelian, glass;
16, 27 — rock crystal; 17 — yellow metal; 18, 28, 29, 44 — glass; 19, 25 — "bone"; 20 — bronze, yellow metal, cornelian;
21, 22 — yellow metal, cornelian, "lapis lazuli" (?); 23, 26 — bronze; 24 — white metal, yellow metal, "amethyst";
30, 32–36, 38, 40 — amber; 31 — glass, bronze; 37, 39 — ceramics; 41–43 — white metal; 45 — bronze, white metal,
yellow metal, "turquoise", leather; 46 — iron, wood; 47 — bone, iron; 48 — bronze, iron
```


прямыми, покатыми, оттянутыми, выступающими (Амброз, 1980. С. 24), то есть морфология разнообразна. Но это местные группы, широко распространенные, но не имеющие прямых датированных аналогий. Очертания рамки соответствуют пряжкам Малашев-П10 (Малашев, 2000. С. 196, рис. 2) или пряжкам 1-й группы Паласа-Сыртского могильника (Малашев и др., 2015. С. 99-100, рис. 203). Исходя из формы рамки и особенностей язычка (Малашев, 2000. С. 209) они должны датироваться второй четвертью / второй третью — концом IV в. Наконечники обувных ремешков соответствуют типу Малашев-Н8 — одночастные с секировидным / округлым окончанием. Таких довольно много (характерный комплекс: Гмыря, 1993. Рис. 27, с пряжками Малашев-П10, янтарными грибовидными бусами, фибулами Амброз-15/III), в том числе и в Прикамье (Красноперов, 2019. С. 110, прим. 28), и обсуждение комплексов выходит за рамки этой работы. Тип Малашев-Н8 происходит от двухчастных типа Малашев-Н7 и типологически предшествует Малашев-Н9, что определяет хронологию в пределах второй половины IV в. (Малашев, 2000. С. 205; Малашев и др., 2015. С. 102). Отсутствие четких признаков развитого V или четвертой четверти IV в. позволяет отнести погребение к середине третьей четверти IV в.

На памятниках лесной зоны украшения из янтаря встречаются не часто, а в Велегожском кладе — «исключительное количество» янтарных бус (Мастыкова, 2015. С. 57–58). Тем любопытнее ситуация в Прикамье, где янтарные бусы имеются, но их немного (например: Мингалев и др., 2019), и они преимущественно мелкие. Территориально ближайшие к Прикамью комплексы с грибовидными бусами-подвесками исследованы на правом

берегу среднего течения Волги: Большая Дмитриевка, 5/1; Абганерово II, курганы 13 и 17; Барановка, курган 3. Логика их поступления в Прикамье неясна, но важно отметить, что два из прикамских погребений с янтарными грибовидными бусами-подвесками (Броды, 24/3 и Тураево, погребение 106) демонстрируют очень выраженные сарматские связи: ожерелье из полностью «сарматских» элементов в первом случае и подвеска и пряжка — во втором. Старокабаново, погребение 80 относится к середине — третьей четверти IV в., не позднее, что совпадает с «катакомбным» этапом позднесарматского времени. Датировка еще двух комплексов — Броды, 24/3 и Тураево, погребение 106 — более размыта, так как в них имеются признаки раннего «всаднического» периода. Однако для Тураево, погребение 106 дата — около середины IV в. — наиболее предпочтительная.

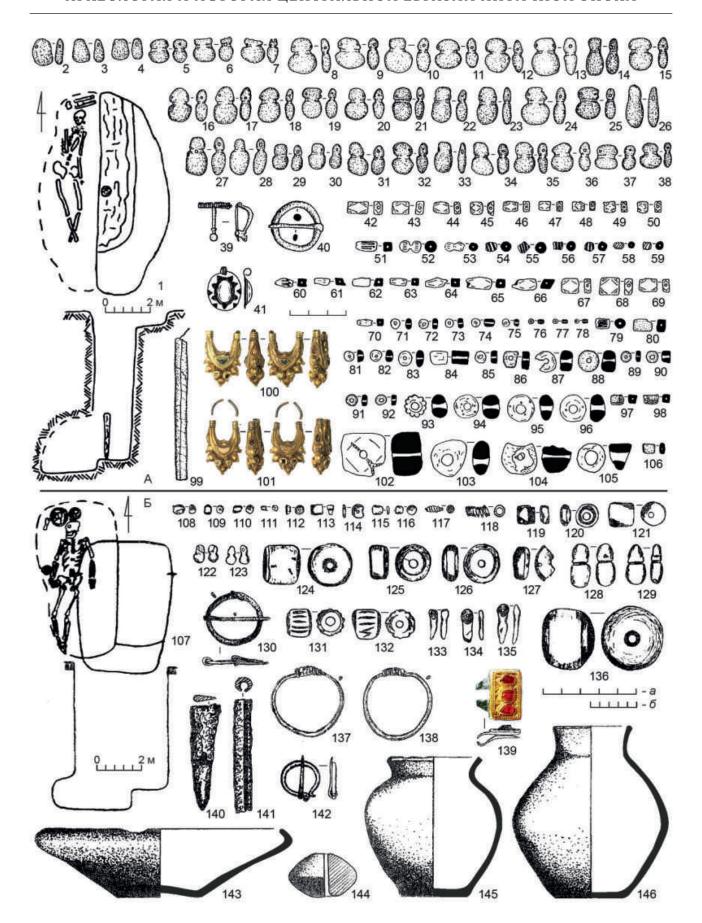
Среди других находок, маркирующих «катакомбный» этап, широкое территориальное распространение получили фибулы: двучленные лучковые, двучленные прогнутые подвязные и маленькие сильнопрофилированные.

Маленькие сильнопрофилированные фибулы найдены в самом северном сарматском могильнике, Гулюковском (погребения 35 и 67), на южной кромке нынешнего Нижнекамского водохранилища. По фибулам, двускатному наконечнику ремня, зеркалу с центральной петелькой могильник в целом датируется серединой — третьей четвертью IV в. (Бугров, Асылгараева, 2020. С. 146–149).

По публикациям известно, что маленькие сильнопрофилированные фибулы найдены еще на двух памятниках лесной зоны: Уржумка, погребение 21 (*Никитина*, 1999. Рис. 54, *Б3*) (рис. 5)

```
Рис. 2. А — Большая Дмитриевка 1/2: 1 — план; 2 — пряжка; 3 — фибула; 4 — закраина деревянного сосуда; 5 — бусина; 6 — предмет; 7-9 — сосуды (Матюхин, 1997. Рис. 1); Б — Левоподкумский, курган 1: 10 — план; 11, 14 — накладки; 12, 13 — фибулы; 15 — бусина; 16 — наконечник ремня (?); 17, 18 — сосуды; 19 — пряжка; 20 — копье; 21 — кинжал (Коробов и др., 2014. Рис. 4, 1; 5, 1, 3, 4, 6-9, 11, 12; 6, 1, 3). 2, 11, 16 — белый металл; 3 — желтый металл, «гранаты» (сердолик?); 4, 13, 14 — бронза, дерево; 5 — стекло; 6 — железо; 7-9, 17, 18 — керамика; 12 — желтый металл, сердолик, стекло; 15 — желтый металл; 19-21 — железо. Масштаб: а — для 2-9, 11-16, 19-21; 6 — для 17-18

Fig. 2. А — Bolshaya Dmitrievka 1/2: 1 — plan; 2 — buckle; 3 — fibula; 4 — rim of a wooden jar; 5 — bead; 6 — ап object; 7-9 — pottery (Матюхин, 1997. Рис. 1); Б — Levopodkumsky, kurgan 1: 10 — plan; 11, 14 — mounts; 12, 13 — fibulae; 15 — bead; 16 — belt tip (?); 17, 18 — pottery; 19 — buckle; 20 — spear; 21 — dagger (Коробов и др., 2014. Рис. 4, 1; 5, 1, 3, 4, 6-9, 11, 12; 6, 1, 3). 2, 11, 16 — white metal; 3 — yellow metal, "garnet" (cornelian?); 4, 13, 14 — bronze, wood; 5 — glass; 6 — iron; 7-9, 17, 18 — ceramics; 12 — yellow metal, cornelian, glass; 15 — yellow metal; 19-21 — iron. Scale: a — for 2-9, 11-16, 19-21; 6 — for 17-18
```


и Старокабаново, погребение 107 (Васюткин, Останина, 1986. Табл. 13, 9). Первый комплекс относится к периоду «классический-2» второй половины IV — V в. по Д. Г. Бугрову¹¹. Сверка отчетных материалов (Васюткин, 1970. С. 32-33, рис. 81, 82) и коллекции (МАЭ ИАЭ УНЦ УрО РАН, 249/444-451) выявила серьезные несоответствия в составе комплекса из Старокабаново (рис. 6). Наконечник (Васюткин, Останина, 1986. Табл. 13, 13) отсутствует и в отчете, и в коллекции. Сильнопрофилированной фибулы не существует: в отчете (Васюткин, 1970. Рис. 82, 2) и в комплексе (МАЭ ИАЭ УНЦ УрО РАН, 249/450) имеется фибула совершенно другого типа — асимметричная прогнутая подвязная с ленточным корпусом, загнутым в петлю для оси пружины, и расширенной ножкой, приклепанным приемником, небольшой фасетировкой на корпусе и ножке. Такие же двучленные асимметричные прогнутые подвязные фибулы с корпусом, загнутым в петлю для оси пружины, и расширенной ножкой (Амброз-16/І-3) малых размеров найдены в Гулюково, погребение 35 вместе с малой сильнопрофилированной фибулой. Целая серия находок крупных экземпляров фибул¹²

происходит из районов Девичьего Городка (на Волге) и Уфы. Единично встречаются внешне схожие, но с вертикальной пластиной для оси пружины. Их развитием является большая группа фибул из Тарасовского и Старокабановского могильников. И. О. Гавритухин выделил эти находки в ранние варианты, не встречающиеся с материалами четвертой четверти IV в. — они характерны для второй / третьей четверти IV в. (Гавримухин и др., 2019. С. 178–179, рис. 5, 5, 6, 15, 16). Независимо от изменения состава конкретного комплекса фибулы этой серии также показательны для позднего этапа позднесарматского времени.

Заключение

Итак, прямое сарматское влияние на позднем этапе практически не проникает дальше Предволжья, находки дальше к востоку и северу — исключительное явление. Тем любопытнее существование целого Гулюковского могильника, оставленного сарматской группой в середине IV в. прямо на южном (правом) берегу Камы. Он расположен практически напротив (в зоне прямой видимости) Тураевского грунтового могильника мазунинской культуры. Однако оценка имеющихся схем и детальная хронология инвентаря местного населения еще только предстоит.

римских влияний и великого переселения народов» (Тула, ноябрь 2010 г.).

Рис. 3. А — Большая Дмитриевка, курган 5: 1 — план; 2–38, 42–98, 102–106 — бусы; 39 — фибула; 40 — пряжка; 41 — медальон; 99 — игольник; 100, 101 — височные подвески (*Матюхин*, 1997. Рис. 2; 3, 2; *Трейстер*, 2018. Рис. 28, 1, 2). Б — Абганерово II, курган 13: 107 — план; 108-129, 131-136 — бусы; 130, 142 — сюльгамы; 137, 138 — височные кольца; 139 — пряжка; 140 — нож; 141 — игольник; 143, 145, 146 — сосуды; 144 — пряслице (Дьяченко и др., 1995. Рис. 5, 2; 11, 7, 8; 12; Мордвинцева, Хабарова, 2006. Цв. рис.). 2–38, 86–92, 97, 98, 106, 112– 114, 124-129, 136 — янтарь; 39, 40, 99, 130, 142 — бронза; 41, 100, 101 — желтый металл, «гагат» (?), стекло, паста; 42–50, 67–69, 119 — сердолик; 51–57, 60–85, 93–96, 102–104, 108–111, 120, 122, 123, 131, 132 — стекло; 58, 59 — паста; 88, 105, 121 — «мел»; 116, 117, 133-135 — гагат; 118, 137, 138 — белый металл; 139 — золото, серебро, гранат (альмандин); 140, 141 — железо; 143–146 — керамика. Масштаб: a — для 2–106, 108–142; δ — для 143–146 Fig. 3. A — Bolshaya Dmitrievka, kurgan 5: 1 — plan; 2–38, 42–98, 102–106 — beads; 39 — fibula; 40 — buckle; 41 — medallion; 99 — needle case; 100, 101 — temple pendants (Матюхин, 1997. Рис. 2; 3, 2; Трейстер, 2018. Рис. 28, 1, 2). Б — Abganerovo II, kurgan 13: 107 — plan; 108–129, 131–136 — beads; 130, 142 — syulgams (fibulae-clasps); 137, 138 — temple rings; 139 — buckle; 140 — knife; 141 — needle case; 143, 145, 146 — pottery; 144 — spindle whorl (Дьяченко и др., 1995. Рис. 5, 2; 11, 7, 8; 12; Мордвинцева, Хабарова, 2006. Colour fig.). 2–38, 86–92, 97, 98, 106, 112-114, 124-129, 136 — amber; 39, 40, 99, 130, 142 — bronze; 41, 100, 101 — yellow metal, "jet" (?), glass, paste; 42-50, 67-69, 119 — cornelian; 51-57, 60-85, 93-96, 102-104, 108-111, 120, 122, 123, 131, 132 — glass; 58, 59 — glass paste; 88, 105, 121 — "chalk"; 116, 117, 133-135 — jet; 118, 137, 138 — white metal; 139 — gold, silver, garnet (almandine); 140, 141 — iron; 143–146 — ceramics. Scale: a — for 2–106, 108–142; δ — for 143–146

¹¹ Бугров Д. Г., доклад на Итоговой Всероссийской научной конференции Института археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, февраль 2016 г. Он же показал архивные фотографии находок из комплекса.

¹² Бугров Д. Г., доклад на конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи

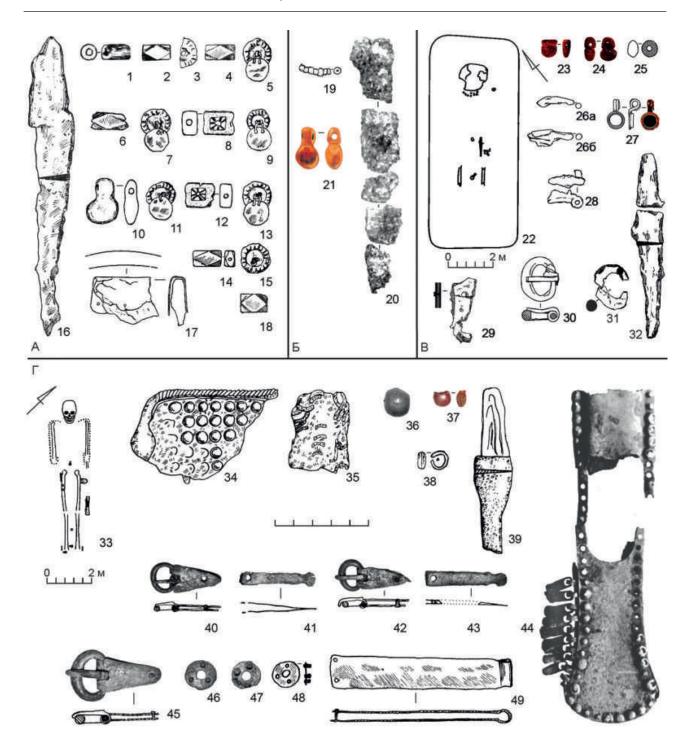

Рис. 4. А — Броды 24/3: *1*, *2*, *4*, *6*, *8*, *10*, *12*, *14*, *18* — бусы; *3*, *5*, *7*, *9*, *11*, *13*, *15* — подвески; *16* — нож; *17* — закраина деревянного сосуда (*Голдина*, 1986. Табл. 14, *4*–6). Б — Броды 39/2: *19*, *21* — бусы; *20* — нож (*Голдина*, 1979. Рис. 142, *1*; 1986. Табл. 17, *1*, *8*). В — Тураево, погребение 106: *22* — план; *23*–25 — бусы; *26а*, *266* — фрагменты; *27* — подвеска; *28*, *31* — пряжки; *29* — зажим; *32* — нож (*Голдина*, *Бернц*, 2010. Табл. 73/106, С. 474, *XA10*; 478, *1*). Г — Старокабаново, погребение 80: *33* — план; *34* — фибула; *35* — украшение из колечек; *36*, *37* — бусы; *38* — пронизка; *39* — нож; *40*, *42*, *45* — пряжки; *41*, *43*, *49* — наконечники; *44* — ножны; *46*–48 — накладки (*Васюткин*, 1970. Рис. 50; 52; *Васюткин*, *Останина*, 1986. Табл. 2, *28*–32; 9, *2*–8; МАЭ ИЭИ УНЦ РАН, 249/300, 303, 308, 310, 311, 313 — фото Р. Р. Руслановой). *1*, *8*, *12*, *19*, *25*, *36* — стекло; *2*, *4*, *6*, *14*, *18* — сердолик; *3*, *5*, *7*, *9*, *11*, *13*, *15* — желтый металл; *10*, *21*, *23*, *24*, *37* — янтарь; *16*, *20*, *26a*, *266*, *28*, *29*, *31*, *32*, *35* — железо; *17* — бронза, дерево; *27* — желтый металл, гранат; *30*, *38*, *40*–49 — бронза; *34* — железо, бронза; *39* — железо, дерево

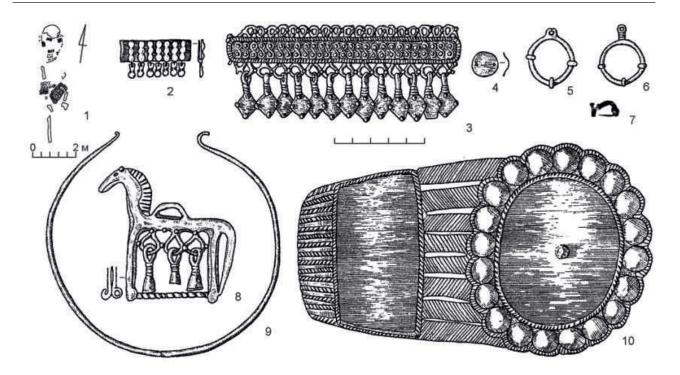

Рис. 5. Уржумка, погребение 21: *1* — план; *2* — накладки (головной убор); *3* — украшение; *4* — бляшка; *5*, *6* — височные кольца; *7* — фибула; *8* — подвеска; *9* — гривна; *10* — застежка (*Никитина*, 1999. Рис. 54, *Б3*; фото — архив Д. Г. Бугрова). *2* — бронза, кожа; *3*–*10* — бронза **Fig. 5.** Urzhumka, burial 21: *1* — plan; *2* — plaques (headdress); *3* — ornament; *4* — plaques; *5*, *6* — temple rings; *7* — fibula; *8* — pendant; *9* — neck ring; *10* — clasp (*Никитина*, 1999. Рис. 54, *Б3*; photo from D. G. Bugrov's archives).

2 — bronze, leather; 3–10 — bronze

Fig. 4. A — Brody 24/3: 1, 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 18 — beads; 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15 — pendants; 16 — knife; 17 — rim of a wooden vessel (Голдина, 1986. Табл. 14, 4–6). Б — Brody 39/2: 19, 21 — beads; 20 — knife (Голдина, 1979. Рис. 142, 1; 1986. Табл. 17, 1, 8). В — Turaevo, burial 106: 22 — plan; 23–25 — beads; 26a, 266 — fragments; 27 — pendant; 28, 31 — buckles; 29 — clamp; 32 — knife (Голдина, Бернц, 2010. Табл. 73/106, С. 474, XA10; 478, 1). Г — Starokabanovo, burial 80: 33 — plan; 34 — fibula; 35 — decoration from small rings; 36, 37 — beads; 38 — spacer-bead; 39 — knife; 40, 42, 45 — buckles; 41, 43, 49 — tips; 44 — sheath; 46–48 — mounts (Васюткин, 1970. Рис. 50; 52; Васюткин, Останина, 1986. Табл. 2, 28–32; 9, 2–8; МАЭ ИЭИ УНЦ РАН, 249/300, 303, 308, 310, 311, 313 — photo by R. R. Ruslanova). 1, 8, 12, 19, 25, 36 — glass; 2, 4, 6, 14, 18 — cornelian; 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15 — yellow metal; 10, 21, 23, 24, 37 — amber; 16, 20, 26a, 266, 28, 29, 31, 32, 35 — iron; 17 — bronze, wood; 27 — yellow metal, garnet; 30, 38, 40–49 — bronze; 34 — iron, bronze; 39 — iron, wood

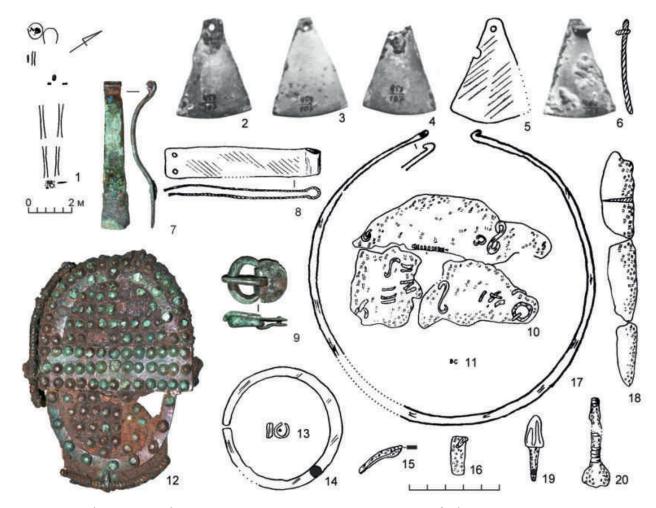

Рис. 6. Старокабаново, погребение 107: 1 — план; 2–6, 16 — подвески; 7, 12 — фибулы; 8 — наконечник; 9 — пряжка; 10 — украшение из колечек; 11, 13 — пронизки; 14, 15 — браслеты; 17 — гривна; 18 — нож; 19 — шило; 20 — височная подвеска (8асюткин, 1970. Рис. 81; 82; 82; 830 — 841 РАН, 842 РАН, 843 РАН, 844 РАН, 844 РАН, 844 РАН, 845 — фото Р. Р. Руслановой). 847 — 848 РОНЗА; 849 — железо; 849 — железо, бронза

Fig. 6. Starokabanovo, burial 107: *1* — plan; *2*–*6*, *16* — pendants; *7*, *12* — fibulae; *8* — tip; *9* — buckle; *10* — decoration from small rings; *11*, *13* — spacer-beads; *14*, *15* — bracelets; *17* — neck ring; *18* — knife; *19* — awl; *20* — temple pendant (*Васюткин*, 1970. Рис. 81; 82; *Васюткин*, *Останина*, 1986. Табл. 13, *3*–*21*; МАЭ ИЭИ УНЦ РАН, 249/450, 451 — photo by R. R. Ruslanova). *2*–*9*, *11*, *13*, *14*, *17* — bronze; *10*, *15*, *16*, *18*, *19* — iron; *12*, *20* — iron, bronze

Алексеев и др., 1977 — Алексеев А. Ю., Вахтина М. Ю., Разумов А. Я., Семенов А. И. Новостроечные работы в зоне Цимлянского вдхр. // АО за 1975 г. М.: Наука, 1977. С. 104–105.

Амброз, 1966 — Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. М.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Д1-30). 111 с., 28 табл.

Амброз, 1980 — Амброз А. К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1980 (Археология СССР). С. 3–56.

Апакидзе и др., 1958 — Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А. Археологические памятники Армазисхеви по раскопкам 1937–1946 гг. Мцхета. Итоги археологических исследований. І. Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР, 1958. 286 с.

Безуглов, 1990 — Безуглов С. И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // ИАИАНД в 1989 г. Ростов н/Д., 1990. Вып. 9. С. 80–87.

Безуглов, 2000 — *Безуглов С. И.* Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их

- соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов н/Д., 2000 (МИАД; Вып. 1). С. 169–193.
- Безуглов, 2008 Безуглов С. И. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии: Сб. памяти В. А. Башилова / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Таус, 2008 (МИАР; Вып. 10). С. 284–301.
- Безуглов, 2010 Безуглов С. И. Позднесарматская культура и нижний Дон (Современное состояние проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2010. С. 93–116.
- Безуглов, Захаров, 1989 Безуглов С. И., Захаров А. В. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в правобережном Подонье // Изв. РОМК. Вып. 5 / Ред. З. Н. Римская. Ростов н/Д., 1989. С. 42–66.
- Безуглов, Ильяшенко, 2000 Безуглов С. И., Ильяшенко С. М. Богатое погребение гуннской эпохи близ Танаиса // ДА. 2000. № 1. С. 91–100.
- *Безуглов, Копылов*, 1989 *Безуглов С. И., Копылов В. П.* Катакомбные погребения III–IV вв. на нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С. 171–183.
- Берхин, 1961 Берхин И. П. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // АСГЭ. 1961. Вып. 2: Скифо-сарматское время. С. 141–153.
- Боталов, Гуцалов, 2000 Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 270 с.
- Бугров, Асылгараева, 2020 Бугров Д. Г., Асылгараева Г. Ш. Животные в погребальном обряде населения нижнего Прикамья первой половины I тыс. н. э. (по материалам Гулюковского могильника) // ПА. 2020. № 1. С. 146–166.
- Быкова, Казанцева, 2012 Быкова Н. В., Казанцева О. А. Ювелирные изделия из минералов в коллекции могильников I–V вв. в бассейне р. Кама // Вестник Пермского ун-та. Серия «История». 2012. Вып. 1 (18). С. 93–104.
- Васильев, 2004 Васильев А. А. О времени появления пряжек с «почковидным» щитком у поздних сарматов // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2004. Вип. XI. С. 55–59.
- Васильев, Савельев, 2008 Васильев А. А., Савельев О. К. Переход от начального к финальному этапу позднесарматской культуры в междуречье Днестра и Дуная (хронологический аспект) // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи

- римского влияния и переселения народов / GeSa. 1. Калининград: Янтарный сказ, 2008. С. 29–43.
- Васюткин, 1970 Васюткин С. М. Отчет об археологических исследованиях в БАССР в 1970 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 4164, 4164а.
- Васюткин, Останина, 1986 Васюткин С. М., Останина Т. И. Старо-Кабановский могильник // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Ижевск: Удмуртия, 1986. С. 95–126.
- Габуев, Малашев, 2009 Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009 (МИАР; № 11). 468 с.
- Гавритухин, 1999 Гавритухин И. О. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры. 1. Тостостенные кубки со шлифованной и пластической орнаментацией: конические и выделенной ножкой (Eggers 236–238, Straume VI–IX) // Сто лет черняховской культуре / Ред. М. Є. Левада. Киев, 1999 (Бібліотека VITA ANTIQUA). С. 48–86.
- Гавритухин, 2010 Гавритухин И. О. Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов: Конференция 2 (ноябрь 2008 г., Тула): Сб. Ч. 1 / Ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: ГМЗ Куликово поле, 2010. С. 49–67.
- Гавритухин, Малашев, 2018 Гавритухин И. О., Малашев В. Ю. Зеркало с центральной петлей и орнаментальной композицией с мотивом квадрата в центре // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (ІІІ в. н. э.). Гл. 7 / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018 (РСМ; Вып. 18). С. 105–114.
- Гавритухин и др., 2019 Гавритухин И. О., Астафьев А. Е., Богданов Е. С. Фибулы поселения Карабак (п-ов Мангышлак) // ПА. 2019. № 3. С. 170–189.
- *Імыря*, 1993 *Гмыря Л. Б.* Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала: Изд-во Дагестанского НЦ РАН, 1993. 367 с.
- Голдина, 1979 Голдина Р. Д. Отчет о раскопках Худяковского поселения и могильника в Тужинском р-не Кировской обл., а также Бродовского могильника в Кунгурском р-не Пермской обл., проведенных летом 1979 г. КВАЭ. Т. І, ІІ // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 104, 105.
- Голдина, 1986 Голдина Р. Д. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А. А. Тронин. Устинов: Удмуртский ГУ, 1986. С. 49–98.

- Голдина, Бернц, 2010 Голдина Р. Д., Бернц В. А. Тураевский I могильник уникальный памятник великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Ижевск: Удмуртский ГУ, 2010 (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; Т. 17). 499 с.
- Голдина и др., 2007 Голдина Р. Д., Лещинская Н. А., Черных Е. М., Бернц В. А. Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собраний Удмуртского государственного университета. Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2007. 196 с.
- Гопкало, 2008 Гопкало О. В. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: ИА НАН Украины, 2008. 252 с.
- Державин и др., 1977 Державин В. Л., Каменецкий И. С., Романовская М. А., Смирнов Ю. А. Раскопки курганного могильника Арпачин II // АО за 1975 г. М.: Наука, 1977. С. 120.
- Диденко, 2014 Диденко С. В. Хронология светло-глиняных узкогорлых амфор типов Шелов D и F (по материалам погребальных комплексов) // Черняхівська культура: до 120-річчя від дня народження В. П. Петрова / Відп. ред. О. В. Петраускас, С. А. Горбаненко. Київ, 2014 (ОІИМ; № 4). С. 34–48.
- Дьяченко и др., 1995 Дьяченко А. Н., Блохин В. Г., Шинкарь О. А. Археологические исследования у с. Абганерово Октябрьского р-на Волгоградской обл. // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской обл. / Отв. ред. Б. Ф. Железчиков. Волгоград: Перемена, 1995. С. 83–139.
- Засецкая, 1994 Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV V в.). СПб.: Эллипс, 1994. 224 с.
- Зубов, Багаутдинов, 2019 Зубов С. Э., Багаутдинов Р. С. Новые материалы позднесарматского времени в самарском Заволжье (курганный могильник Конезавод I) // КСЭ. V: Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь: Фирма «Салта», 2019. С. 103–111.
- Клепиков, Шинкарь, 1997 Клепиков В. М., Шинкарь О. А. Позднесарматский могильник Абганерово II / Отв. ред. Б. Ф. Железчиков. Волгоград: Волгоградский ГУ, 1997 (ИАИНП; Вып. 2). С. 81–100.
- Коробов и др., 2014 Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 120–135.
- Красноперов, 2012 Красноперов А. А. Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией

- в Прикамье («догуннский» стиль перегородчатых инкрустаций) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов: Конференция 3 / Под ред. А. М. Воронцова, И. О. Гавритухина. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2012. С. 218–254.
- Красноперов, 2018 Красноперов А. А. Ножны из Усть-Сарапульского могильника в связи с находками в некрополях Дружное и Нейзац в Крыму // КСЭ. IV / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2018. С. 116–126.
- Красноперов, 2019 Красноперов А. А. Пряжка из Бродовского могильника (Прикамье) в контексте полихромных стилей // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов: Конференция 4. Ч. 2 / Ред. И. О. Гавритухин, А. М. Воронцов. Тула: ГМЗ Куликово поле, 2019. С. 103–190.
- Красноперов, 2020 Красноперов А. А. Датировки комплексов с бусами Т-М-362 на римском пограничье в связи с находками в Прикамье // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 2 (9). С. 58–74.
- Кривошеев, 2005 Кривошеев М. В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Археология / Волгоградский ГУ. Волгоград, 2005. 336 с.
- Кривошеев, 2010 Кривошеев М. В. Вопросы происхождения и развития позднесарматской культуры в нижнем Поволжье // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградский ГУ, 2010. С. 57–92.
- Кривошеев, Малашев, 2016 Кривошеев М. В., Малашев В. Ю. Хроноиндикаторы середины III IV в. н. э. из степных памятников Волго-Донского региона // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 138–147.
- Кропоткин, 1978 Кропоткин В. В. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологи / Ред. В. В. Кропоткин и др. М.: Наука, 1978. С. 147–164.
- Кропотов, 2010 Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: Адеф-Украина, 2010. 384 с.
- Малашев, 2000 Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону /

- Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов н/Д., 2000 (МИАД; Вып. 1). С. 194–232.
- Малашев, 2007 Малашев В. Ю. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II IV в. н. э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // РА. 2007. № 3. С. 111–121.
- Малашев, 2009 Малашев В. Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. 2009. № 1. С. 47–52.
- Малашев, 2010а Малашев В. Ю. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградский ГУ, 2010. С. 117–142.
- Малашев, 20106 Малашев В. Ю. Место курганных могильников Дагестана позднесарматского и гуннского времени в системе древностей Северного Кавказа и восточноевропейской степи // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа / XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Магас: Пилигрим, 2010. С. 233–236.
- Малашев, 2013а Малашев В. Ю. Позднесарматская культура южного Приуралья во II–III вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Археология / ИА РАН. М., 2013. 25 с.
- Малашев, 20136 Малашев В. Ю. Позднесарматская культура южного Приуралья во II–III вв. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Археология / ИА РАН. М., 2013. 302 с.
- Малашев, 2015 Малашев В. Ю. Традиции среднесарматской культуры в курганных могильниках прикаспийского Дагестана 2-й половины II 1-й половины V в. н. э. // Вестник Волгоградского ГУ. Волгоград: Волгоградский ГУ, 2015 (Серия 4 «История. Регионоведение. Международные отношения»). Т. 20, № 5. С. 85–97.
- Малашев, 2016 Малашев В. Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа 2-й половины II середины V в. н. э. М.: ИА РАН, 2016. 208 с.
- Малашев, Яблонский, 2008 Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. 365 с.
- Малашев и др., 2015 Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С. Страна маскутов в западном Прика-

- спии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.
- Мастыкова, 1999 Мастыкова А. В. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре / Ред. М. Є. Левада. Киев, 1999 (Бібліотека VITA ANTIQUA). С. 171–202.
- Мастыкова, 2009 Мастыкова А. В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV середине VI в. н. э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
- Мастыкова, 2015 Мастыкова А. В. Стеклянные полихромные и янтарные бусы из Велегожского клада // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов: Конференция 4. Ч. 1 / Ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: ГМЗ Куликово поле, 2015. С. 57–67.
- Мастыкова, 2016 Мастыкова А. В. О происхождении янтарных грибовидных бус-подвесок римского времени в Понто-Кавказском регионе // Stratum plus. 2016. № 4: «Круг земной»: Рим и варвары. С. 173–190.
- Матюхин, 1992 Матюхин А. Д. Сарматские памятники I–IV вв. саратовского Правобережья (краткий обзор материалов) // Археология восточно-европейской степи. Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. М. Малов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1992. Вып. 3. С. 144–158.
- Матюхин, 1997 Матюхин А. Д. Позднесарматские погребения из курганов у с. Б. Дмитриевка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 г. Саратов: СарГПИ, 1997. Вып. 2. С. 181–198.
- Матюхин, Ляхов, 1991 Матюхин А. Д., Ляхов С. В. Новое позднесарматское погребение в лесостепном саратовском правобережье // Археология восточно-европейской степи. Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. М. Малов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. Вып. 2. С. 135–152.
- Мингалев и др., 2019 Мингалев В. В., Мингалев ва М. К., Перескоков М. Л. Бусы Мокинского могильника III–V/VI вв. н. э. в Пермском Прикамье // ПА. 2019. № 3. С. 202–221.
- Мордвинцева и др., 2010 Мордвинцева В. И., Хачатурова Е. А., Юрченко Т. В. Сокровища древней Кубани. Симферополь; Краснодар: Универсум, 2010 (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. № 4). 448 с.
- Мордвинцева, Хабарова, 2006 Мордвинцева В., Хабарова Н. Древнее золото Поволжья из фондов

- Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь: Тарпан, 2006. 140 с.
- Никитина, 1999 Никитина Т. Б. История населения Марийского края в І тыс. н. э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1999 (Тр. Марийской АЭ; Т. 5). 160 с.
- Парусимов, 1998 Парусимов И. Н. Раскопки курганов в Зимовниковском районе. Новочеркасск: б. и., 1998 (Тр. Новочеркасской АЭ; Вып. 3). 110 с.
- Румянцева, 2009 Румянцева О. С. Бусы могильника Брут 2 2-й половины II–III в. н. э. // Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН; Таус, 2009 (МИАР; № 11). С. 341–437.
- Русланова, 2018 Русланова Р. Р. Бусы Южного Урапа по материалам некрополей III–VIII вв. Уфа: Гилем, 2018. 376 с.
- Сергацков, 1999 Сергацков И. В. Проблема формирования среднесарматской культуры // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Отв. за вып. И. В. Сергацков. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 1999 (Научные школы Волгоградского ГУ). С. 137–155.
- Сергацков, 2000 Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 2000. 396 с.
- Симоненко, 2001 Симоненко А. В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. 2001. № 4. С. 77–91.
- Скрипкин, 1974 Скрипкин А. С. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского р-на Астраханской обл. // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 57–63.
- Сорокина, 1965 Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды из Танаиса // Древности Нижнего Дона / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: Наука, 1965 (МИА; № 127). С. 202–248.
- Стоянова, 2004 Стоянова А. А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // БИ. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. V / Ред.-сост. В. Н. Зинько. С. 263–320.
- Стоянова, 2006 Стоянова А. А. Намисто і підвіски населення Криму III ст. до н. е. IV ст. н. е.: Дис. ... канд. іст. наук: 07.00.04. Археологія. Київ, 2006 // НА ІА НАНУ. Ф. 12. Д. 850.
- Стоянова, 2019 Стоянова А. А. Об одном типе сарматских бронзовых зеркал из Крыма // КСЭ. V: Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Фирма «Салта», 2019. С. 253–266.

- Торгоев, Кольченко, 2017 Торгоев А. И., Кольченко В. А. Погребение позднесарматского времени с ювелирными украшениями на городище Красная Речка // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 166–174.
- Трейстер, 2018 Трейстер М. Ю. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н. э. III в. н. э.) // МАИАСК. 2018. № 10. С. 118–210.
- Трибунский, 2003 Трибунский С. А. Позднесарматская культура урало-казахстанских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Археология / Удмуртский ГУ. Ижевск, 2003. 21 с.
- Труфанов, 2007 Труфанов А. А. Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика. Посвящ. 80-летию Т. Н. Высотской / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 173–186.
- Фанагория..., 2015 Фанагория. Результаты археологических исследований. М.: Изд-во ИА РАН, 2015. Т. 2: Золото Фанагории. 604 с.
- Шаров, 1999 Шаров О. В. О времени появления Т-образных шарнирных фибул в Северном Причерноморье // Stratum plus. 1999. № 3: Скифский квадрат. С 189–206.
- Шаров, 2019 Шаров О. В. Боспор. Полихромные стили позднеримской эпохи // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 2019. Т. 18, № 2. С. 197–220.
- Шишкин, 2002 Шишкин Р. Г. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры // Сучасні проблеми археологіі. Київ: ІА НАНУ, 2002. С. 244–246.
- Gogiberidze, Javakhishvili, 2010 Gogiberidze N., Javakhishvili K. Metal Adornments from Dedoplis Gora // Iberia-Colchis. Researches on the Archaeology and History of Georgia in the Classical and Early Medieval Period. Tbilisi, 2010. Bd. 6. P. 5–38, 202.
- Quast, 1996 Quast D. Schmuckstein- und Glassschnallen des 5. und fruhen 6. Jahrhunderts aus dem Ostlichen Mittelmeergebiet und dem "Sasanidenreich" // Archaologisches Korrespondenzblatt. 1996. Nr. 26. S. 333–345.
- Tempelmann-Mączyńska, 1985 Tempelmann-Mączyńska M. Perlen der römischen Kaiserzeit und frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein, 1985. 430 p.

The spread of amber mushroom-shaped beads-pendants in the Volga and Kama region and indicators of the end of the late Sarmatian period

A. A. Krasnoperov¹³

The general periodization of the late Sarmatian culture comprises two large horizons: a "horse riders" period of the mid-2nd — mid-3rd century (corresponding to periods Malashev I — Malashev IIa) and the "catacomb" period which is subdivided into two chronological groups. The basis for distinguishing the first group of the "catacomb" period is constituted by two two-part bow fibulae (Ambroz-15/III), small strongly profiled fibulae (Ambroz-11/II), belt tips with a cylindrical expansion (Malashev-H10) or two-part poleaxe tips (Malashev-H7), buckles with faceted short tongues and a low ledge near the base (Malashev-II9), a bridle set in the Zakshuv-Kishpek style, small amber mushroom-shaped bead-pendants and amphorae (Shelov-D). Its summary date is the mid-3rd — first third of the 4th century corresponding to the Malashev-IIIb period. Artefacts of the second group of the 'catacomb' period include fibulae of the Chernyakhov type (Ambroz-16/2), buckles with smooth frames and small tongues surrounding the front part of the frame and extending to the middle of the section with a high ledge near the base (Malashev-II10), lunate plaques, one-part poleaxe tips (Malashev-H8), large amber mushroom-shaped bead-pendants, objects in the "pre-Hunnic" polychromatic style, glass vessels with soldered blue appliqués, and amphorae (Shelov-F). This group is dated to the second third of the 4th — early 5th century corresponding to the periods Malashev-III-a,b,-IV.

It must be noted that, in the eastern regions, the "catacomb" period is represented by very scanty finds. The main indications include sagged tied-up fibulae, small markedly profiled fibulae, amber mushroom-shaped beadpendants. The findings of amber beads are very rare in the forest zone, however in the Kama region, as many as four complexes are known with beads of the mushroom shape. Another indicator of the final late-Sarmatian period is represented by small fibulae with a marked profile which denote the northernmost point of penetration of the Sarmatian population proper — it is the Gulyukovo cemetery on the southern bank of the Kama River. Among the local population, a number of the own modifications of two-part sagged tied-up fibulae with the body bent loop-like for the axis of the spring were arising.

¹³ Alexander Krasnopeorov — Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Brunch of the Russian Academy of Sciences; ul. Lomonosov, 4, Izhevsk, 426004, Россия; e-mail: khaa@udm.ru.